

Старое кино

ЭТО БЫЛО ВОСКРЕСНЫМ УТРОМ, В ЕЩЁ пустом или уже опустевшем кафе. Старый взломщик Макс опускает звукокассету на старую пластинку, ворчит, что пора на покой, возвращается к своему кофе. Двигается он легко, хотя на стул опускается осторожнее, чем прежде; он ворчит, ворчит, ворчит – игла звукокассеты преодолевает шуршание пустых дорожек, и звучит любимая песня Макса. О чём она? О том, что осень, и когда тебе 50 – это тоже осень, но за осенью следует быть зиме, а твоя зима, может быть, не наступит. Режиссёру было 48, когда врач впервые сказал ему про болезнь, но он не сказал, сколько времени отпущено, а это значит, что дорог каждый час и дороже всего только то, что всего дороже; для Режиссёра это всегда была дружба. Поэтому решено: последний фильм будет о дружбе, только бы успеть закончить его.

Режиссёр берёт в союзники старых друзей – они давно близки, но вместе никогда не работали; с писателем Альбером Симоненом он пишет сценарий, Жан Габен приглашён на главную роль. Это Габену уже

50, не Режиссёру; Габен ворчит, что ему всё надоело, что он устал и, чёрт возьми, пора на покой; его герой, взломщик Макс, тоже ворчит и тоже мечтает о покое, но сначала надо завершить одно дело. Макс, как и Режиссёр, собирает старых товарищей; блистательное ограбление, о котором взахлёб напишут газеты, не под силу раскрыть полиции.

Сюжет банален, но Режиссёру не привыкать к такого рода упрекам: всю свою жизнь в кино он посвящал тому, чтобы вернуть в киноискусство сюжеты, присвоенные коммерческой киношкой, у него прочная репутация взыскательного художника.

Тем временем в фильме воронёная сталь автоматных стволов блестит тускло и маслянисто – как и положено в гангстерском кино, но сюжет, развивавшийся динамично и традиционно, ломает сложившийся ритм. И дело не в том, что соперничающая банда мечтает о той же добыче и похищает сообщ-

ника Макса, а в том, что в фильме появился новый мотив, и этот мотив – главный. Макс, для которого добыча – это не 50 миллионов в золотых слитках, а безбедная спокойная жизнь до самого края, не мешкая ни минуты, ставит её на кон, чтобы спасти друга. Друг погибнет случайно, но закономерно, и добыча не достаётся никому – закономерно, но случайно. Макс утрачено пустое одиночество, в котором не будет, однако, постылых воспоминаний. Вновь зашуршит игла, преодолевая пустые дорожки, возникнет мелодия, а потом песня – в ней горькая печаль и неисчезающий свет; песня возникала в недоступном тогда Париже, но звучала в Москве, на Котельниках, в тесном зальчике кинотеатра "Иллюзион".

РЕЖИССЁР ПРОЖИВЁТ ЕЩЁ ШЕСТЬ ЛЕТ, УСПЕЕТ поставить три фильма и умрёт в воскресное утро, когда позвонят со студии и скажут, что тонировка четвёртой картины закончена.

Его старый и старший друг, кинорежиссёр Жан Ренуар, скажет:

«Мой брат ушёл. Время не останавливается.

Каждый раз, когда я прохожу по нашему перекрёстку, я вновь вижу себя в том тёплом тумане – тёплом от нашей страстной любви к ремеслу, которое мы мечтали вырвать из лап коммерции.

Жак, мой давний сообщник, из этого ничего не вышло! Ничего не вышло, но правы всё же мы. Передай это всем друзьям, с которыми ты там встретился. Покажи им горы плёнки, израсходованной на суперфильмы и оставившей после себя только жалкую кучку солей серебра. И рядом с этими, подделом казнёнными, – несколько кадров, отобранных судьбой. Когда-нибудь, в будущем, эти кадры вызовут улыбку одобрения на устах юной пары, заблудившейся в синематеке. "А фильм ничего... Кто автор? – Значит, есть автор? – Конечно! Его зовут Жак Беккер"».

Фильм, который Режиссёр считал для себя последним, был снят 50 лет назад.

Он назывался "Не прикасайтесь к добыче".

Юрий Калешук